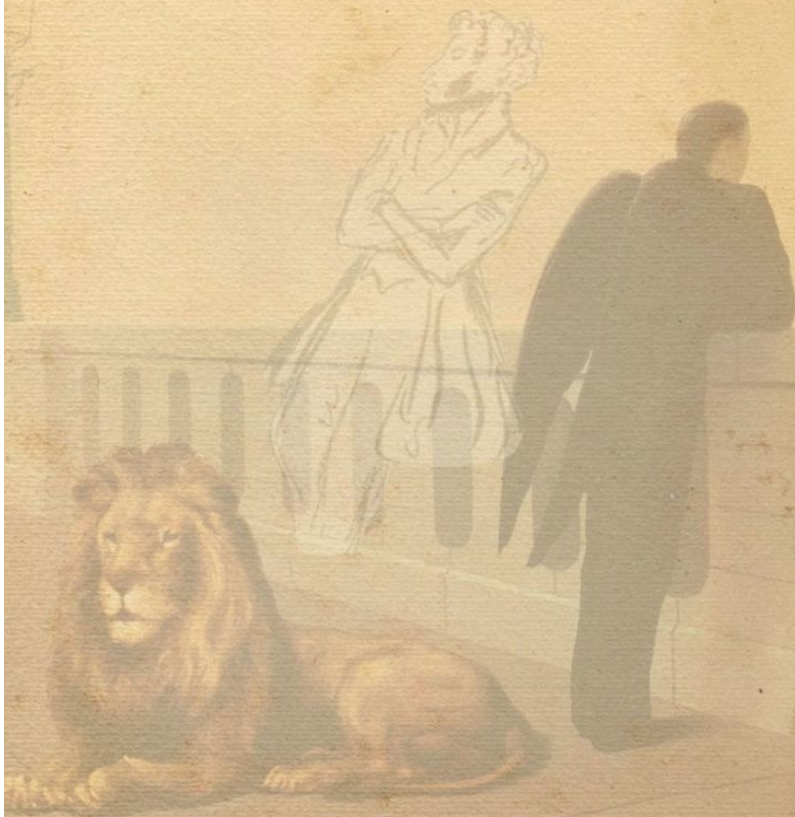

18+

И тихий ветер веет

Иван Смирнов

Иван А. Смирнов

И тихий ветер веет.

Роман в стихах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23461237
ISBN 9785448395598*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – первая часть cover-версии знаменитого романа в стихах с неожиданными вариациями сюжета. В лирических отступлениях автор рассказывает о нашей жизни, о молодом поколении и его проблемах, вплетённых в поэтический строй современного эпоса. Глубина и философия в романе гармонично переплетаются с иронией и юмором. В романе присутствуют аллюзии на творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Ф. Рабле и др. Книга понравится всем любителям русской и зарубежной литературы, в частности поэзии. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	62

И тихий ветер веет Роман в стихах

Иван А. Смирнов

Моей маме

Дизайнер обложки И. А. Смирнов

© Иван А. Смирнов, 2022

© И. А. Смирнов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4483-9559-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вот начало большого стихотворения, собрания песен или глав, этой cover-версии «Евгения Онегина» с неожиданными вариациями сюжета к современным реалиям.

Писанные под влиянием самых разных обстоятельств, главы всё же носят на себе больше оптимизма и шутливости. Первая глава включает в себе описание жизни петербургского молодого человека четырёхлетней давности и тем близка к оригиналу, но лишь в конце, возможно, напоминает другого автора, на синтез с которым я крайне надеюсь.

О качестве также не сужу, ибо как никто пристрастен. Недостатки в форме – результат поспешности автора, за что винюсь, особенно за некоторые выражения и места, но всё сказано так, как должно о должных вещах. Что о характере главного героя судить мне трудно, поскольку соткан он из многих черт совершенно разных людей. Но если эта сатира и беспощадна к кому-то, то в первую очередь, к обществу. Надеюсь, читателям понравится эта постмодернистская игра.

Каждый из вас, надеюсь, найдёт то, что сочтёт нужным, понимая приготовленную для него часть.

Приятного вам чтения.

И вот, подул большой, сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы. Но в этом ветре не было Господа. Потом было землетрясение,

но в землетрясении также не было Господа. Потом появился огонь, но и в огне не было Господа. После всего было веяние тихого ветра, и там был Господь.

(3 Цар. 19, 11—12)

Часть первая

Глава первая

*...бог был программистом нашего мира, но,
в то же время, он был ленивым программистом
С. Жижек*

I

«А, может быть, ещё не поздно?
Быть может, скорую? Ай, нет.
Нет, дело здесь совсем серьёзно.
Здесь нужен чей-то мне совет.
Но чей? Наверное, папаши.
К нему, к нему – дела все наши
Он ведь улаживал всегда.
Спасёт теперь и от... суда?
Но, может быть, такой уплаты
И не потребуют. Сойдёт
На нет опять, да только вот,
Как объяснить капот помятый?
Какой же вид придать лицу,
Когда я подойду к отцу?».»

II

Так думал парень. Он в ударе
По улице стремглав летел
В отполированном спорткаре,
Который как-то раз успел
Презентом получить от бати...
Но не подумайте, что спятил
Мой незадачливый герой.
Он встречен вами той порой,
К которой я верну рассказ,
Пока же с именем и прочим
Как можно проще и короче
Я живо познакомлю вас.
Его зовут Андрюша Летов.
Он не был из семьи поэтов.

III

Привить дитя любви к Парнасу
Никто из предков не хотел.
Они работали на кассу,
И поэтический удел
Казался им не то, что б злом,
Но, мало толку видя в нём,
Они хотели, чтоб учёба
Вела к достатку. В этом оба
Согласны были без проблем
И, не трепля друг другу нервы,

Решили, что игрушкой первой
Для сына будет IBM,
И в девяностые года —
Приобрели не без труда.

IV

Теперь компьютер нам не внове.
Им никого не удивишь,
В те ж времена в его основе
Особый виделся престиж.
Во-первых, это было модно,
Когда на рынке на свободном
Из-за границы вдруг товар
Пришёл. И, во-вторых, сей дар
Был крайне важен для сына
Как инструмент для изучения
Программ – полезное умение, —
А также, впрочем, языка.
Во всяком случае, так мать
Хотела дело понимать.

V

И он, по рассуждению многих,
Стал превосходным знатоком
Не только IT-технологий,
«Железа», но и языком
Английским овладел слегка,

Чтоб удивить вдруг старика
With sudden answer в разговоре
И от души сказать «*I'm sorry!*».
И знанья этого ему
Хватало, чтобы чуть программить,
Для остального же он память
Хранил пустою потому,
Чтоб действовать оперативно
И мыслить, в целом, позитивно.

VI

Отец – тогда предприниматель,
Теперь банкир и депутат —
Считал, что парень вслед за батею
Займётся бизнесом, богат
И знатен будет, но к нему
Уж не известно, почему
Не приставлял он гувернёров.
Дитя без всякого надзору
Проводит дома целый день,
Игрою – шутером ли, гонкой —
Быв занят, а порой сторонкой,
Пока у маменьки мигрень,
А папа где-то вдалеке,
Смотрел кассеты в видаке.

VII

Нам следует сказать особо
О содержании кассет.
Но вот не доглядели оба.
В них был родительский секрет,
Рука невинного ребёнка
Вложила как-то в видик плёнку,
Где не принцесс, ни *Bugs'a Bunny*
Увидел он вдруг на экране.
Там были женщины, мужчины;
Они бросали вниз одежды
И, открывая дико вежды,
Вдруг без особенной причины
Толкалась взад или вперёд
Иль затыкали чем-то рот.

VIII

Дитя, конечно, года в три,
Четыре иль уже в пять лет
Поймёт не много, но внутри,
Как у Андрюши, некий след
Остался: в сказочки с капустой
Уж не поверит. Это грустно,
И нам от правды не уйти.
Она всегда свои пути —
Через журналы и картинки,
Беседы с пацанами в школе
Иль где-нибудь ещё на воле —
Найдёт легко и без запинки,

Но эту правду лучше б знать
Чуть позже, чем в четыре-пять.

IX

Столь рано обнаружив секс,
Андрей затем узнал о том,
Что значат гены и рефлекс.
Биолог чуть и анатом,
Он не был, в общем-то, философ.
Проклятых, каверзных вопросов
Не ставил вовсе пред собой,
Довольный, кажется, судьбой.
Зато читал он Эриксона
И Блендера, ну и т. п.,
Короче, практик НЛП,
Он знал прекрасно, как персона
Осуществляет в жизни опыт,
И человек, по сути, – робот.

X

Андрею текстом было тело.
Он в спорах, получив сигнал,
Его использовал умело,
Поэтому он точно знал,
Как поздороваться при встрече,
Кому сказать какие речи,
Какой увидеть нужно жест,

Чтоб избежать неловких мест,
Чтоб уважать других права —
Вот стимул и к нему ответ,
И в этом был весь этикет,
Но это всё *слова, слова...*
Не далеко и до греха.
А где ж поэзия стиха?

XI

Но, кто с рожденья не умел
В других найти для связи знаки,
Кто видел не спряжение тел,
Кому все люди – не собаки,
Кто с детства подчинялся чувству,
Кто чужд общения искусству,
Тот непосредственно живёт,
Не сочиняя перевод.
Однако эта жизнь – стихия:
В ней беспорядок и потеря
Вас делают не лучше зверя.
Вот почему пишу стихи я
Неукротимый стиль в них гладок,
Что чувству придает порядок.

XII

Непонимание хорея
И прочих дактилей, размеров

Тогда не стало для Андрея
Большой бедою. Ни Бодлера,
Ни Гинсберга, ни Керуака
Ни строчки не прочёл, однако
Герой наш и без этой прозы
Прекрасно знал, что значат дозы
А *junk*'и иль марихуана
И прочи виды наркоты,
С которыми, надеюсь, ты,
Читатель моего романа,
Нисколько вовсе не знаком.
Да, в общем, я уверен в том.

ХIII

Ведь реже те, кто узнаёт
Об этом обо всём из книги,
Способны подпадать под гнёт
До денег жадного *барыги*.
Прочтите это всё сперва, —
И ясной будет голова.
Но те, кто в книгах видят шутки,
Из них листы на самокрутки
Рвут, словно раб с плантаций лен.
Не Хаксли, не Берроуз, не Миллер
Виновны в том, но может, дилер
Да очень честный полисмен,
Который подчиняться рад
Народа ради, не наград...

XIV

XV

Бывало наш Андрей в кровати:
К нему приходит *SMS* —
Друзья опять зовут на *party*,
Андрей, кряхтя, с кровати слез.
Хотя ещё довольно рано —
Всего двенадцать — много планов:
В клуб, в ресторан; ещё кино.
Везде поспеть немудрено.
К тому же, есть кому помочь —
Его суровый *органайзер*
Им управлял, как немцем кайзер.
Минут чрез пять он вышел прочь,
Одетый в зимнее пальто,
Садится в быстрое авто.

XVI

И через миг он в суши-баре,
Где был уже заказан стол
И приготовлен соус карри,
Где на дощечках каждый ролл:
Унаги, нори, футомаки —
Не путайте их с урамаки —
И прочих видов риса, рыб,

Вплетенных в водорослей изгиб, —
Готов на палочках упасть,
Нырнуть в те соевые хляби,
Где был размешан уж васаби.
Всё вместе же — такая сласть,
Хотя, конечно же, остро —
Не всяко выдержит нутро.

XVII

Ещё не съедена «Аляска»,
Остался в мисках мисо-суп,
Но снова тронулась коляска —
Андрей вновь едет... Но не в клуб!
Для клуба, право, очень рано,
А для чудес живых экрана,
Для лицезренья *сiнeтa* —
Час подходящий, и весьма.
К кинотеатру тоже вскоре
Подъехал, повстречал ребят.
Все вместе выбирают ряд
И место, чтобы на просторе
Спокойно посмотреть кино.
Какое, в общем, всё равно.

XVIII

Взглянув чуть мельком на афишу,
Андрей пошёл купить, наестся,

Но сзади голоса он слышал:
– Посмотрим Редфорда! – Нет, Йейтса!
Всё это было крайне спорно.
Пока ходил он за попкорном,
Решили всё, и он узнал:
Они пойдут в четвёртый зал:
Там будет *Downhill*, Хичкок.
Хоть балабановский *Морфей*
Ему, конечно, был милей,
Но он к приличиям был строг:
Коль уж решили *все* друзья,
Перечить им никак нельзя,

XIX

Чтоб только показаться снобом.
Но я, не бывши синефилом,
Признаться должен, что до гроба
И с малых лет особой силой
Кино довлеет надо мной.
Вот помню в поздний час ночной
В кинотеатре на сеансе
Я был в невероятном трансе,
Когда они под звуки Баха
Парили в воздухе вдвоём
Почти минуту, но потом
Вернулись наземь. Да, из праха
Сотворены зачем-то мы,
А, может, нет... и из сурьмы.

XX

И очень долго, как во сне
На станции инопланетной,
Картина эта будет мне
Являться вечною кометой.
К тем фильмам, где крутые взрывы
Над небоскрёбом иль заливом,
Мой *глаз*, конечно же, привык,
Но слишком громок боевик.
И больше я люблю монтаж,
Чтоб звуков или кадров стык
Имел и смысл, и язык.
Так, если вдруг персонаж
Увидит женщину, окно,
То *взгляд* укажет: «Вот *оно!*».

XXI

Все, молча, смотрят на экран;
Кто руку держит возле рта;
Другой уснул, как задний план;
И в зале тихо, темнота,
Лишь где-то редкие дисплеи
Дрожат чуть слышно; еле-еле
Рингтон не подаёт свой звук.
К нему вдруг обратился друг:
— Андрюх, ты только погляди,

Какая ломанная склейка!
– А? что? Пивасика налейка.
Перемотай... Не *DVD*?
Ну ладно, посмотрю потом
Когда-нибудь я за компом.

XXII

Пойду-ка, – и, ответив так,
Андрей оставил, где лежат,
Стакан попкорна и бигмак,
Прошёл, не нагибаясь ряд,
Друзьям затылок показал
И, наконец, покинул зал.
У входа несколько ребят
Играют резво в автомат,
Гоняют на автомобиле,
Иль, ловкие, в аркаду скачут.
Для них немало это значит
Воображение, но были
Среди них те ещё, кому
Игра такая ни к чему.

XXIII

Imagination, образ, имидж.
Харизму у иных людей,
Наверное, с трудом отымешь,
Но почему-то наш Андрей,

Хоть щедро одарён природой,
Следил ревниво и за модой.
На пряжке там, где крепежи,
Две буквы стройных *D & G*.
Одев иной раз *Gucci, Klein*'а
И прочим следуя рекламам,
Умел так нравиться он дамам,
А почему? – Совсем не тайна.
Так, продавая *gas* и *oil*,
Газпром Европу же устроил.

XXIV

Ресурсы, лэйблы – всё товар,
Продукт прибавочной цены,
Но в людях же бывает дар
Совсем иной величины.
Как помнят многие, Фуко,
Забрался как-то высоко
На крышу бурного Венсана,
Откуда смело, даже рьяно,
Швырял вниз камни и костюм
Свой чёрный, чистый, из велюра
Старался сохранить – культура!
Не расстается с нею ум
И там, где уж совсем не надо —
Ни дома, ни на баррикадах.

XXV

Я то к тому, чтоб не судили
Мы друг о друге, лишь завидя.
Порою мудрость очень к стилю
Подходит – оба не в обиде.
Здесь образец вам – Погребняк¹.
Герой же мой, хоть и не так
Умён, но за собой следит,
Имея безупречный вид.
Гель *после*, также *до* бритья,
Духов мужских два-три флакона,
Дезодоранты *Axe*, *Rexona* —
Всего и перечислить я
Не в силах. Этот каталог
Занял бы очень много строк.

XXVI

К тому же, в этот же момент,
Я понял очень даже ясно,
Что это всё – *product placement*,
Что было бы, увы, напрасно,
Поскольку мне за этот труд,
Как видно, денег не дадут.
Поэтому и вид героя,
Я таинством слегка покрою,
Чтоб не обидеть этим брэнды,
О коих не упомянул.

¹ Имеется в виду петербургский философ, а не футболист

И так уж палку перегнул.
Я извиняюсь, *dear friend*ы,
Что заставляю, как дикарь,
Вас каждый раз смотреть в словарь.

XXVII

Порою нужно человеку,
Чтоб он особо не страдал
Раз-два в неделю в дискотеку
Поехать, как тогда на бал.
Порядку строгому такому
Андрей наш следуя, из дому,
Как пробка, выпрыгнул и в *club*
Поехал, посмотреть на баб.
Одетый по последней моде,
Как выше описал пиит,
Герой у входа, где уж бит
Стучит, где уж стоит на взводе
Народ, весёлая толпа:
Кто с вечеринки, кто из *spa*.

XXVIII

При входе в клуб он *face-controll*,
Обличие менять умея,
Без промедления прошёл,
Как получилось то у змея,
Прокравшегося в некий сад.

Его *широкоокий* взгляд
Окинул зал, где темнота
Съедала всех одежд цвета,
Где девочки, не кончив школы,
Почти надев почти наряд,
Кто робко, кто уж нет спешат
Занять ведущие танцполы,
Тем привлекая взгляд юнцов,
А может быть, и их отцов.

XXIX

Девчонки, весело танцуя,
Пархают; светят огоньки;
Под видом лёгким поцелуя
На расстоянье от щеки
Двух сантиметров, но не ближе
Иль, как сказал об этом Жижек,
Как *кофе, но без кофеина* —
Бессмысленно, сколь и невинно.
Однако поспешил я чуть,
Сказав вам, что все игры эти
Безвредны. Это всё же дети —
Случиться может что-нибудь...
Родителей прошу, короче,
Беречь и сыновей, и дочек.

XXX

Конечно, в зрелище *club-dance*'а
Довольно трудно смиксовать
Бит *R&B* и ритм Брамса,
Но отчего б ни помечтать?
Я слышал, как у нас *DJ*»и
Миксуют классику. Орфеи!
Наверно, это – мастерство,
Когда нам старое ново.
Хотя, признаюсь вам, вернуть
То, что потеряно, столь сложно
Подчас бывает, но, возможно,
Не в этом-то вся соль, вся суть.
И так случается порой,
Что прежней жить нельзя игрой.

XXXI

Но говорил ещё Эразм,
Наверное, из Роттердама:
Возможно же энтузиазм
На старое направить прямо,
Чтоб *возродить* его идею.
Но иногда так много клею
Мы тратим, тщетно собирая,
То, что когда-то было раем.
Ни *ауры* уже его,
Ни света нет, ни ореола —
Слетело, как со струн Эола
Спадает стон, – и ничего.

И только рук одних полёт
Способен оживить стан нот.

XXXII

Наверное, кого-нибудь
Привлечь и может стан девицы,
Другой же обожает грудь,
А третий ниже поясницы
Привык задерживать свой взгляд,
Смотря на что-то, только вряд
Всё это сможет взять вас в плен,
Когда уже не встанет ч
Но, если нужно, – как Гомер,
Как все поэты близорукий,
Из всех частей, пожалуй, руки
Себе избрал бы я в пример:
Непревзойдённый хиромант,
Имел я некогда талант...

XXXIII

Но понимаю, это – фетиш:
Опрятность пальчиков, ногтей
У каждой первой, верно, встретишь
Средь тела и его частей.
На каждой улице салон
Для красоты уж возведён,
Поэтому теперь о ножках

Забоятся и не немножко
Да перед зеркалом *take-up*
По полчаса всегда наводят,
Потом на улицу выходят,
Чтоб ногтиком кого-то – цап!
Но я в любви не анатом:
Влюбляться лучше целиком.

XXXIV

Один я помню чудный миг,
Когда прелестница (вот счастье!),
Оборотив ко мне свой лик,
Меня схватила за запястье
И говорила горячо.
В другой раз сам я за плечо
Вдруг приобнял её чуть-чуть,
Она же – голову на грудь.
Так раскрывают нам объятия
Они и с ними целый мир
Души, восторженный клави́р,
Но вдруг для них вы – только братья.
Нет, не сулит, быть может, мирт
Непринуждённый этот флирт.

XXXV

Но в нашем фокусе не то
Уже должно быть – наш Андрей

Направил вновь своё авто
Домой. Средь зимних фонарей
За полусонным, запотелым
Окном жизнь целая летела.
Уже проигран старый гимн;
Из труб клубами вьётся дым;
Звенят трамвайные пути;
Детишки с сумками, с портфелем
Идут к занятиям; успели
Таджики двор уж подмести;
А круглодневный магазин
Давно открыт раз был один.

XXXVI

Но этого не замечая,
От удовольствий уж не рад
Андрей во двор свой заезжает,
И встал. Коробка – автомат.
Он лёг, назад откинув кресло,
Перед рулём расправив чресла,
И приготовился заснуть,
Чтоб завтра вновь всё тот же путь
Проехать. Это ль не предел
Для тех, кто так же очень много
Работал в офисе? Дорога
Веселий праведных и дел?
Но, как заезженный *саундтрек*,
Мир для Андрея вдруг поблек.

XXXVII

В постели утром насекомым
Проснулся раз он, – и тогда
Угрюмой, мрачной, незнакомой
Увиделась ему среда.
И всё, чем жизнь его дарила,
И безразлично, и постыло.
Напомню вам, что только лишь
Марихуана иль гашиш
Способны были вызвать в нём
Приливы радости мгновенной,
Распространяемой по венам,
Однако длительный приём
Такого верного *д... ма*
Был плох для сердца и ума.

XXXVIII

Такая радость эфемерна,
Как забытья унылый сон,
Который через день примерно
Развеется под утро вон.
И тяжело будет то мгновенье,
Когда ваш труп без пробужденья
Поднимется, в себя не веря,
Вас отдавая в руки *зверя*.
Вся ваша жизнь уже не вам

Принадлежит, лишаясь дара
Рождать в вас радость без *товара*.
Жизнь облепил какой-то спам.
На то, чему был раньше рад,
Смотрел и видел суррогат.

XXXIX

XL

XLI

XLII

Итак, Андрей поддался сплину.
Он, завсегдатай клубов, лев
Всех вечеринок, вдруг покинул
Танцполы, бары, с ними – дев.
Их обольщая, как никто,
Вдруг понял, это всё не то.
Теперь ему казались мелки
И буфера подруг, и ц...
Хоть иногда на вечеринке
Иная в шутку иль всерьёз
И рассуждает как Делёз
Иль Альтюссера без запинки
Толкует, только здесь все то же.
Красавиц он оставил ложе.

XLIII

К чему делить одну кровать
Иль светскую вести беседу,
Когда нельзя потолковать
Вполне осмыслено, а к бреду
Непринуждённой болтовни
Снисходят часто в наши дни.
Хотел начать вести он блог,
Но, к сожалению, весь слог
Ушёл на записи *Контакта*,
А после и совсем потух,
Мелодией наполнив слух.
Он растворился в звуках такта.
Но согласитесь, эти ритмы,
Намного лучше петель, бритвы.

XLIV

Скачав себе десяток книг —
И звуковых, и электронных —
Наш запоздалый ученик
Внимать пытался ухом сонным,
Но, к сожаленью, стольких слов
Был необъятен тот *улов*.
И потому опять в музон
С отчаянья рванулся он.
Купив «Joy Vision» пластинок
И прочих где-то восемь штук,

Он слушал траурный сей круг,
Как наставленья раньше инок,
Но даже музыка винила
Судьбы ему не изменила.

XLV

Тогда и встретились мы с ним,
Как полагается, случайно
(Исход ведь мог быть и иным,
Но это уж неясно, тайна).
Я выходил из Маяковки,
И вдруг движением неловким
Он на меня вдруг налетел —
И столкновение двух тел
Произвело тогда паденье.
И мы тогда друг другу эхом
Отвечали из луж со смехом.
Такое *странное сближенье*,
Как поговаривал пиит,
Довольно многое сулит.

XLVI

Прожив лет двадцать — срок не малый, —
На жизнь иначе смотрит всяк:
Кто вышел в боссы, в генералы
Пустышкой кажется, ведь так?
Тогда в его автомобиле

Часов мы много проводили,
Подолгу говоря о том,
Как всё устроено кругом,
В чём человечества позор
И сколько ангелов в булавке —
Ну, в общем, о любой козявке
Шёл очень дельный разговор.
В беседе о таких вещах
Порою исчезает страх.

XLVII

Бывает так, что мысли кванту
Нужна опора, друг, рука,
Ведь помогал Вергилий Данту,
Ведя вперёд ученика.
Но иерархии особой
Меж нами не было: мы оба
Тогда с ним были далеки
От окруженья, вопреки
Бывало, выгодам своим,
Степенной практике, уму.
И до сих пор я не пойму,
Как вдруг из хаоса режим
Установился между нас.
Он говорил: «Гомеостаз!».

XLVIII

Ночной порой бывало мы
Стоим на набережной Стрелки,
Когда Неву среди зимы
Заносит снегом лёгким, мелким,
И неподвижная река
Лежала подо льдом, слегка
Качая медленные льдины.
Казалось нам на миг единый,
Что по тем *линиям* в разломах
Возможно совершить *побег*,
Где и *предатель* – человек,
Обманищик же свершает промах;
Смотрели мы на ночь и мир
Через Фицджеральда *ориентир*.

XLIX

Над нами *Тропик Козерога*
В небесной бездне громоздился,
И он пробил своей дорогой
Ту стену, где и я родился.
И стало тело вмиг растущим
Лучом; *ad asta* через кущи
Летело, глухо и не зряче.
Да и могло ли быть иначе?
И понял я тогда, что в волю
Я наслажусь рекой свободы
За все умеренные годы
И, может быть, себе позволю

Устами к ней тогда прильнуть,
К гречанке, вняв любви всю суть.

L

Гляжу я в небо налету
И сторожу аэропорт,
А вместе с ним свою мечту:
Смотрю, какой же самолёт
Подарит мне от изобилья
Свои серебряные крылья.
Когда же совершу *вояж*?
В Европу? *в США*? на пляж?
На те златистые пески
Тайланда, Родоса, Колхиды,
Ну, на худой конец, Флориды?
Хотя, быть может, от тоски
Не убежать нам никуда:
Вокруг материков вода.

LI

Я опасался, что психоз
Случится у кого как раз,
Но, к сожалению, мороз,
Учёба разлучили нас.
Он – в опьяненье или ломке —
Тогда поддался странной гонке,
Как от убийцы иль ножа,

Пытаясь как-то убежа...,
Летел вперёд, как ураган;
И раж, и скорость и т. п.,
И в результате – ДТП.
(И этим начался роман).
На перекрёстке были сбиты
Старуха с дочерью – убиты?

ЛП

Но, может, это лишь мираж?
Воображенья, бреда плод?
Однако телерепортаж,
Да и помявшийся капот
Довольно ясно говорят,
Что это было. Папин взгляд
Стал подозрителен и строг,
Как будто бы его сынок
Им лично в чём-то уличён.
Хоть в тот же вечер он от пятен
Отчистил всё, капот от вмятин
Исправлен – ездил он в салон.
Но в доме как-то неуютно
Всё становилось поминутно.

ЛП

ЛП

В конце концов, душа устала.
Одно, однако, существо
Во всём их доме не внушало
Ему страданий, мать его!
На ласки вовсе не скупа
Она столь часто так слепа
К порокам чада своего,
Не замечая в нём того,
Что видно остальным вокруг.
Ни странных слов его набор,
Ни модный головной убор,
Ни странный полуночный друг —
Ничто не изменяет в ней
Любви тех светлых детских дней.

LV

Любовь её, увы, безмерна,
И потому была она
Ему, как тот венок из терна:
В нём большая ещё вина,
Чем в непрямом отцовском взгляде,
Что был, конечно, беспощаден,
Но к полной силе из-за слов
Столь громких не был всё ж готов.
Нередко поднимая крик
По важным поводам и нет
Истратил весь авторитет
Его отец, его старик.

Когда уж не внезапен гнев,
Его мы слышим, как распев.

LVI

Здесь подчеркну, что он – не я.
Ведь не был также он поэтом,
Не понимал, что есть семья.
Я потому сказал об этом,
Чтоб вдруг сличая здесь черты,
Читатель, по ошибке ты,
Себя представив психологом,
Под вразумительным предлогом,
Не заключил бы тут со смехом,
Что как фигуру я из снега
Слепил своё здесь *alter-ego*.
Уже давно подобным эхом
Творцы не заняты с тех пор,
Как постмодерн прикрыл позор.

LVII

Когда ко мне друзья приходят,
Они вдруг спросят: «В ком свою
Нашёл ты музу? В этой вроде?»
Я ж говорю, что не пою
Ни мадригалов, ни элегий.
Как песнь о прошлогоднем снеге,
Такие выдумки нелепы.

Когда кто влюбится, он слепо
Изводит нипочём бумагу
И, подбирая всё подряд,
Из комплементов шьёт наряд,
Имея наглость и отвагу.
Но я, любя, сложить сонет
Не мог – ума и слов же нет.

LVIII

Когда же половой истомой
Мой ум закончит истекать,
Тогда спокойной и знакомой
Готов я музе вновь внимать;
Наверно, с гётовых времен
Такой невыгодный обмен
Вновь совершается сегодня.
Эх, лира – славной музыки сводня:
Из-за чего твой взгляд ревнив?
Не уж то ли любой портрет
Невесты, коею поэт
Пленён, тебе не так красив?
Заняв престол его души,
Ты требуешь одно: пиши!

LIX

Задумавши один роман,
Я начертал его набросок,

Ещё нестройный где-то план.
Конечно, очень много сносок,
Страниц намеренно бумаги
Потребно для подобной саги,
Покамест, на полсотню строф
Труд мною начатый готов
В размере лишь одной главы.
Сравнив её с оригиналом
Сходств между ними крайне мало,
Найдёте, полагаю, вы.
Конечно, это очень смело,
Но рассуждать – моё ли дело?

LX

Увы, увы, мой бедный слог
Везде себе противоречит.
Сознания будто бы поток,
Неумолимо льются речи,
Словесный, путанный коллаж,
Невидимый другим мираж.
Я не надеюсь на цензуру,
Поскольку эту процедуру
Мой текст, наверно, не пройдёт.
Уж слишком много в нём такого,
Что нам, конечно же, не ново,
Но говорить об этом рот
Не хочет почему-то наш.
Эй, критик, где твой карандаш?!

25 апреля-22 июня 2012,

Глава вторая

Dasein

M. Heidegger

Дизайн

I

Котеджный пригород, посёлок,
Где жил Андрей в семье, хорош;
Привыкнув к жизни столь весёлой,
Ты места лучше не найдёшь.
Высокий, крепкий особняк
Стоял средь улиц, и сквозняк
Его не трогал. Лишь один
Дворец вдали среди вершин
Деревьев мог сравниться с ним;
Все остальные же дома
Укрыты зеленью; сама
Природа саваном своим
Их обняла лесами парка,
Где заплетает нити парка.

II

Дом спроектирован был прочно,
Как я сказал уже, и снова

Уж повторяюсь, что очень точно
Фундамент – всех жилищ основа, —
Все стены, крыша и подвал —
Всё архитектор рассчитал.
Другой художник из идеи
Добавил мебель из *ИКЕ*и,
Расставил ящики, обои
Поклеил, с бабочкою штамп
На них поставил, рядом ламп
Украсил потолок. Спокоен
Однако друг мой был к дизайну,
Как, впрочем, ко всему *Dasein*’у.

III

Он поселён был на четвёртом,
Последнем этаже. На гроб,
На шкаф иль на каюту с чёртом,
Имея окна, гардероб,
Не походил сей кабинет:
Компьютер, стол, кровать, паркет.
Андрей однако, *own room*
Имея, из гостиной шум
Бывало слышал иногда:
То вдруг раздастся громко: «*Гол!*» —
Старик всегда смотрел футбол,
Была ль суббота то, среда,
Средь пива, чипсов и друзей,
Хоть сам имел приз за хоккей.

IV

Тут заняла отца Андрея
От скуки иль наоборот
Довольно модная идея:
Он захотел, чтоб знаний плод
Вкусило ветреное чадо.
Не от того, чтоб очень надо
Для бизнеса иль пользы для.
То просто – прихоть короля,
Ну, так положено ведь нам.
Иль, может, всё же для сына
В том польза будет, – и тоска
Его развеется. Тут сам
Вдруг вдохновившись сим моментом,
Андрей желает стать студентом.

V

Сначала думал он юристом
Стать и задумался над правом,
Но вскоре в рассужденье быстром
И потому довольно здравом,
Решил, что дело адвоката —
Защита ль, обвиненье брата,
И тонкость слога, и налоги,
Законы, подкупы, подлоги, —
Желанья в нём не порождало,

Да и к тому ж законоведов,
И управленцев, и медведов
У нас теперь не так уж мало.
И труд упорный медицины
Не дался и не без причины.

VI

Так он ходил от ВУЗ'а к ВУЗ'у,
Метался, как в игре в бильярд,
И, наконец, свалился в лузу,
Где *liberal* есть *science and art*.
Да, дух был очень либерален
В сём заведении полагали,
Что человеку самому
По сердцу или по уму
Возможно обученья план
Себе составить, как маршрут.
И также полагали тут,
Что, даже если ты декан,
Но в то же время педагог —
Вести готов будь диалог.

VII

Своей свободой речи, планов
Напомнил Смольный мне Лицей,
Как описал его Тынянов
Ещё в трилогии своей.

Тогда смог оценить мой друг
Ему даруемый досуг:
Он посещал дневные пары,
Потом в пивной, как все гусары,
За кружкой вечер проводил,
Как то советовал Рабле,
Читая книгу на столе,
Хотя, признаюсь, прежний пыл
Оставил он, уйдя в работу.
Возможно, вдруг родится что-то.

VIII

План обучения строг, но гибок,
Как содержание бесед.
Студенты, не боясь ошибок,
Меж тем должны держать ответ
За то, что говорят они,
Как то бывает в наши дни.
Но даже в этой обстановке
Андрей молчал, боясь неловким
Суждением выказать, но глупым
Его счёл кто-то, но не все.
Ведь неизвестно, что в эссе
Он пишет. Третьи же из группы
Решили: «Он как Деррида:
Не говорит ни нет, ни да!».

IX

Сюда тогда же для ученья
Приехал и другой. Поэт,
Не избежал он обсужденья.
Семён С. Сетин, Старый Свет
От Лиссабона и до Праги
Объездил, исписав бумаги
Довольно крупные массивы.
Он выглядел вполне красиво:
Слегка открытое чело
Под волосом, но кроме прядей,
Так много вольных книг, тетрадей
Всё *существо* его несло
И поэтический дискур́с,
Хоть он не кончил первый курс.

Х

Тогда всех очень изумляло
Его решение прибыть
Сюда, хотя он мог нимало
Через Атлантику проплыть
И выбрать лучше институт,
Чем здесь, у нас. Но что же тут
Его так сильно притянуло?
Мы узнавали, но под дулом
Иль от иных каких угроз
Не говорил он никому,
Что нужно здесь его уму.

Лишь иногда, хоть и не слез,
Слов пару в дружеском кругу
Уронит, больше ни гу-гу.

XI

Прошу простить, читатель, этот
Нелепый детский лексикон,
Но чтобы описать поэта
Необходим был очень он.
Хоть иногда совсем нелепен,
Однако нужен этот лепет:
Поэты часто как дитя
Язык используют, шутя.
Когда ребенок между плит
Ступает маленькою ножкой,
То он, наверное, немножко
Тогда становится пиит:
Его малюсенькие стопы
Неровные находят тропы.

XII

Семёна стиховые строки
Лились из лона бытия
Потоком смелым и широким,
Порока здесь не вижу я.
Он о природе и о солнце,
И об узорах на оконце

Писал с четырнадцати лет
(Кто в этот возраст не поэт?).
Его стихи, по крайней мере,
Хоть и включали все подряд,
На что бы он ни кинул взгляд,
На поэтическом размере
Держались; он имел талант,
Хотя душою был *infant*.

ХІІІ

Среди людей серьезных мира,
Мужчин, наверно, лишь Андрей
Мог понимать, о чем та лира
Поет, сбегая от людей,
Как будто по камням ручей.
Вся важность взрослая речей
О звездах или о вине,
О разной светской болтовне,
О виллах, тачках и о дачах
И той не знают полноты,
С которой детские мечты
Для нас порою меньше значат,
Чем даже женский разговор,
В котором, что ни слово, — вздор.

ХІV

Преобладаньем дамским полом

Поныне славится филфак.
Семён же наш ещё со школы
К тому не был привычен так.
Себе он ставил сам в укор,
Если его, блуждая, взор
Нечаянно падёт на ноги.
А тут ещё (о, боги-боги!)
Демографический вопрос
На телевиденье подняли,
Как болт тяжеловесной стали,
Чтоб наш народ числом возрос,
Чтоб паспорт парня иль девицы
Был полн на крайние страницы.

XV

Семён, желанья не имея
Быть праотцом пока, решил
Стать другом близким для Андрея,
Чтоб пыл гормонов в нём остыл,
Чтоб он спокойно, отрешась,
С самим собою понял связь.
Так, против вкуса и природы,
Они сошлись. Так антиподы,
Противозначные стихии,
Антонимы, антагонисты
(И технократы, и пуристы)
И прочие дихотомии
Не так друг с другом не похожи

Как эти двое были. Что же?

XVI

Когда отправитесь вдруг вдаль,
Хоть на часок один примерно,
То вы поймёте, что Паскаль
Был прав, когда для суверена
Он полагал как смерть, как муку
Со светским обществом разлуку,
Когда отсутствие досуга
Иль развлечения в виде друга
Разоблачали тут же в нём
Того, кем он всегда и так
Был – человек, простой бедняк,
Что лишь зовется королём.
Так иногда и гражданин,
Вдруг видит, что и он *один*.

XVII

Признаюсь вам, что господину
В себе не меньше, чем рабу,
Я предан, но наполовину:
Они ведут давно борьбу.
Сердца для нас – лишь полигоны,
Где бисмарки, пигмалионы
И, может, даже бонопарты
Меняют местности и карты,

Заняв рубеж иль высоту;
Разрушив бункеры, заслоны,
Нас поднимают до Мадонны,
Явив весь ужас, красоту,
Оставив в поле битвы бездны
Две. Нам они равно любезны...

XVIII

Так и для нашего Андрея,
Насколько понимать могу,
Знакомства этого затея
Была нова. Он не слугу
В Семёне видел, не развлечь
Себя хотел; он слушал речь
Того наивного юнца,
Как желторотого птенца
На самой утренней заре
Ещё возможно иногда;
«Ах, если бы прошли года,
И беззаботной той игре
Ничто мешать бы не могло. —
Андрей подумал. — Что за зло

XIX

Разрушить этот мир способно.
И тяжело ему ведь будет:
Не я, но кто-нибудь, подобно

Руке божественной, осудит
Его за то, что водки в пиве
Не смешивал и был наивен.
Но я, признаться, господа,
Присяжным этого суда
Быть вовсе как-то не хочу».
Любил он больше разговоры,
Диалектические споры,
Где можно хлопнуть по плечу
И так, ответить что-нибудь,
Не слишком понимая суть.

XX

Они застольные беседы
Вели, пожалуй, обо всем:
Недавних Цезарей победы
В Ираке, войны, Фрейд и Фромм,
Науки прения, искусства,
Конфликты разума и чувства,
И даже о вопросе веры
Они раз спорили без меры.
Ничто их строгого суда
Не убежало. Диалоги
Они свои, как педагоги,
Вели порою иногда.
Когда звучала же эклога,
Андрей наш говорил немного.

XXI

Но самый интерес большой
Всех мыслей пламенных друзей
Был связан, как всегда, с душой.
Андрей так говорил об ней,
Как пахарь говорит о пашне,
На ней оставив плуг вчерашний:
Блажен, кто, всё засеяв поле,
О нём не думает уж боле
И всходы в мирной неге ждёт;
Но тот блаженней, кто всё лето
С волнением в лучах рассвета
Глядит на медленный восход
И, укрепив мускулатуру,
Всё ж сеет новую культуру.

XXII

Мы тело отдаём зарядке,
Работе – разум, а диете —
Желудок, о своём упадке
Мы забываем, словно дети.
И нам становятся смешны
Все звуки сладкой тишины
В уединенье, не в плеяде.
Мы видим в теле, не во взгляде
Движенья робкие души.
Открыть в себе бесцеремонно

Игру бесчисленных гормонов
Немедля каждый уж спешит:
Широк стал слишком человек
В глобализованный наш век.

XXIII

Но даже он – лишь дайте время —
Устанет под конец от них,
От развлечений; в банке семя
Положит и подпишет *nick*;
Устав от жизни сей, уже
Заводим *twitter* иль в ЖЖ
Читаем чьи-либо заметки;
Как пациенты на кушетке,
Альбом листаем в соц. сети,
Всем сердцем ставя *like* на фото.
И жизнь, как некая охота,
Бежит, но зайца не найти:
И гул рогов чужих для *macho*,
Как чучела, так много значат.

XXIV

Однако о своей любви
Семён не говорил ни с кем,
С ней видевшись лишь *vis a vis*.
Но наш психолог без проблем
Узнал те самые симптомы

Ему болезни незнакомой;
Застыв, как шарик Парменида,
Андрей всё видел, как либидо,
Любя лирический порыв,
Весь обнажает вдруг сюжет.
Он видит: нового здесь нет,
Исповедальный нарратив.
Так часто поступаем все мы,
В рассказе видя только схемы.

XXV

И здесь я должен уточнение
Внести одно, что сам Семён,
Не так, как полагало мнение
Андрея, в жизни неумен.
Конечно, зная мир по книжкам,
Витал он где-то, но не слишком,
Поскольку в этих «зеркалах»
Порой такой он видел страх
И грязь, и ужас сей земли,
Где человек, не зверь, жесток,
И где такой придуман бог,
Что сочинить бы не могли
Его ни Лютер, ни Селин,
А только дьявол лишь один.

XXVI

Над лошадёнкой, воробышкой
Как наш Некрасов иль Катул,
Лить слёзы, право, было б слишком.
И вряд ли кто-нибудь всплакнул.
Подобной собирать картины
Из вереницы этой длинной
Страданий, чей теснится ряд,
Семён не думал и был рад
Тому, что эдакий трактат
Или, верней сказать, поэму
На столь нерадостную тему
Нужды в нём не было, но брат
Его подобный скорбный труд
Писал. Однако должно тут

XXVII

Мне познакомить вас, друзья,
Со всем семейством, значит, их.
Большая Сетиных семья
Была из членов восьмерых.
Конечно, в основном предмете
У нас в дальнейшем будут дети,
Однако про отца и мать
Я обязуюсь рассказать,
Коль смерти неча или лени
Меня случайно не возьмёт.
Ведь очень уж широк приплод
И очень много поколений.

Среди им отданных имён,
Одно уж названо. Семён.

XXVIII

Он временами на монаха
Был поведением своим
Похож. Не то чтоб неким страхом
Пред миром полон, нелюдим.
Совсем, напротив, очень был
Открыт ему он; сердца пыл
Он как-то обращал вовне.
Так солнце светит и луне
Свою тепла часть отдаёт,
Не замечая, как она
Бедна и даже не ровна
И как топтал уж луноход,
Её, ища в ней ценный грунт,
Но лишь флажок отметил, пункт.

XXIX

Семён же не был пунктуален.
В своём общении с людьми
Он забывал о ритуале
И обращался *mon ami*
Всегда, не словом он, но взгляд
Его твердил, что он всем рад.
И это в те ещё года,

Когда ребёнку никогда
На мысль не пришли бы лезть,
Притворство иль обман иной.
Неколебимой пеленой,
Он ограждён и верил: есть
В сём мире та гармония,
Которой уж не помню я.

XXX

И очень все его любили
И с самых детских даже лет,
Не то чтоб на руках носили,
Но, где бы ни было, привет
Он мог всегда себе найти;
И непременно на пути
(И в детстве, и уже потом)
Ему открыт был каждый дом,
Готовый с ним делиться всем,
Все открывали без изъятья
Свои душевные объятья,
Но он, однако, между тем
Ото всего был отстранён.
Не то чтоб он держал заслон.

XXXI

Напротив, он по доброй воле
Ко всем был также весь открыт.

Так он, когда учился в школе,
С детьми и был, и не был слит.
Он был задумчив, не угрюм.
В нём уважали честность, ум;
В делах особенный порядок;
В одежде он опрятен, гладок.
Прочёл довольно много книг,
За что уже в пятнадцать лет
Имел большой авторитет,
Хотя он ни единый миг
Не думал никогда о том,
Что думали друзья о нём.

XXXII

Он без особенной гордыни
Свои успехи понимал,
Хотя в гимназии поныне
Все помнят и не без похвал.
Но согласитесь вы, что с этим
Вопросом об авторитете
Не так всё просто, господа.
Бывает в детские года,
Когда заботой о престиже
Под взглядом сверстников своих,
Друзей иль, может быть, родных
Себя мы можем сделать ниже,
Чем то нам позволяет рост.
Не вылезай, как все будь прост.

XXXIII

Ведь по закону крупных чисел
Всегда наш управлялся свет.
Сопротивляться есть ли смысл?
Ответят нам: «Пожалуй, нет».
Будь вы один, их – легионы,
Сложите же свои знамёны,
Иначе будете разбиты,
И многотысячны копыты
Их вместе с Вами втопчут в грязь,
Раздавят поступью своей,
И тяжесть множества коней
Смятёт вас; лучше, не борясь,
Нам добровольно всем упасть,
Признав земли родную власть.

XXXIV

На достижение желаний
Не стоит тратить и труда;
Определяет же нас с вами
Лишь окружение и среда,
Да и ещё, пожалуй, гены
В нас производят перемены.
Вот помести весельчака
Средь грустных, – и уже тоска
Склонит его неумолимо;

А те, кто спать привык на койке,
В спортзале тоже станут бойки;
Примеров тут необозримо,
Но в них есть правило одно:
Поддастся слабое звено.

XXXV

Звалась Сетиною Анной
Их старшая тогда сестра.
Герой не главный для романа,
Но между тем всегда добра
Ну и красива: ногти, зубы,
Златые волосы и губы,
Глаза, улыбка, пышность бюста —
Все в ней прелестно. Будет пусто
Здесь разливать поток похвал;
Кто захотел бы сей портрет
Увидеть, тот пусть в интернет
Зайдет, возьмет любой журнал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.